

Священная гора, которую местные жители у подножия называют хребтом Тяньхуэй, возвышается на самом краю защитного барьера Фаньсинчжоу. Она служит естественной непреодолимой преградой между Восточными землями, где расположена секта Фаньсинчжоу, и Западными, кишачими дикими чудовищами. Высшую точку Тяньхуэя адепты секты именуют Цзинсюэ — Пиком Застывшего Снега. Круглый год он укрыт льдом, и если смотреть издали, кажется, будто бескрайние снега, подобно драгоценному нефриту, устремляются ввысь, к облакам девятого неба.

У подножия Цзинсюэ в густом ином неустанно кружились шестигранные снежинки, оседая на черной лисьей шубе мужчины средних лет. Тот, казалось, вовсе не чувствовал холода. Выдыхая облачка пара, он в одиночестве шагнул по узкой тропе, вымощенной плитами серого камня.

Постепенно, глубоко в снегах, наметы по краям дороги стали редеть, обнажая древнюю поверхность камня. Помимо воя ветра, откуда-то издали доносилось тихое журчание воды, а в щелях между плитами незаметно пробился темно-зеленый мох.

Мужчина поднялся уже до середины склона Цзинсюэ, и, что удивительно, метель здесь внезапно стихла, а воздух наполнился едва уловимым теплом. Мужчина снял тяжелую шубу и перекинул ее через руку. Под ней оказался добротный, с изящной вышивкой и богатым узором лунно-белый даосский халат с широкими рукавами, который теперь мерно развеивался на ветру.

Он поднял глаза и вдалеке заметил золотистое пятно, выглядевшее совершенно чужеродно на фоне ослепительно белой священной горы. Направляясь к этому золоту, он почувствовал под ногами влажную землю, а стекающие вниз ручьи образовали небольшое озеро. Поверхность воды поросла бескрайним тростником, чьи пушистые соцветия, словно перья, разлетались в воздухе.

Уже несколько сотен лет этот золотистый тростниковый залив оставался неизменным, словно застыл в вечной осени посреди ледяных горных вершин — зрелище одновременно пугающее и величественное. Мужчина, очевидно, бывал здесь не впервые. Увидев лодку, качавшуюся у берега, он ступил на борт, положил на нос черную шубу и оттолкнулся от берега веслом, покрытым мхом. Легкое суденышко заскользило по широкой глади озера. Золотистые соцветия тростника касались его головного убора и рукавов, покачиваясь на ветру и осыпаясь в небо густым дождем легкого пуха.

Лодка разрежала плотную завесу пуха, и вскоре достигла другого берега. Сойдя на сушу, мужчина сложил пальцы в заклинии и привязал лодку к простому причалу. Перед ним стояла скромная бамбуковая хижина. Он почтительно постучал в незапертую дверь, и спустя мгновение та с тихим шорохом отворилась внутрь.

Убранство комнаты было предельно простым: кроме естественного желто-зеленого цвета бамбука, здесь не было иных красок. В центре стояла ширма из светлой ткани, за которой угадывались очертания бамбуковой кровати. На ней, небрежно откинувшись на подушки, лежала фигура, закутанная в белые шелка. Раздался хриплый голос:

— Ты пришел.

Голос был ленивым и низким, но нетрудно было понять, что говорит женщина.

Мужчина в лунно-белом халате ответил с глубоким почтением:

— Восемьдесят девятый глава павильона Цзянфэн, Цзян Юфань, приветствует пробуждение почтенной прародительницы.

Тихие воды залива продолжали свой бег, уходя в подземные русла, и в безмолвии заснеженных гор этот поток превращался в незримое течение под ледниками.

Этой ночью роса намочила одежды, а фонари на озере у зала Небесного Ветра рассыпались по воде, словно звезды, отражая одинокий серп луны, застывший в ясном небе.

Нань Суминь, уже принявший вечернее лекарство, ворочался с боку на бок, не в силах уснуть.

Эта ночь стала для него редким моментом ясности с тех пор, как он попал в этот мир. В первые дни голова была тяжелой, мысли путались, и время проходило как в тумане. Сегодня же стало легче: тело восстанавливалось, а мучительная боль от чужих воспоминаний утихла. Однако неожиданный визит Цзян Юньцзяо прервал... нет, он просто напрочь отбил у него способность рассуждать, оставив лишь одно желание — не выдать себя.

Теперь, когда Цзян Юньцзяо ушел, нервное напряжение спало, но мысли Нань Суминя превратились в хаос, и уснуть стало еще сложнее.

Он попросил дежурившего послушника не гасить свет и принялся разглядывать комнату при тусклом мерцании ламп.

Самым приметным предметом была ширма, расписанная соснами, бамбуком и камнями — изящная, легкая, она выглядела живой в свете огней. Становилось ясно, что прежний владелец тела обладал утонченным вкусом. Под окном с решетчатым переплетом стоял стол из желтой груши, на котором покоился письменный набор и чернильница из синего нефрита — ученики успели навести порядок, и теперь все лежало безупречно ровно.

Здесь было чисто и благородно, совсем не похоже на его прежнюю комнату. Он глубоко вздохнул и дважды прошептал про себя: Я попал в другой мир. Только сейчас, спустя столько времени, это осознание наконец стало обретать реальные очертания.

Чтобы удержаться в этой секте под названием Фаньсинчжоу, он мог рассчитывать лишь на статус молодого господина Нань Чичжи и обрывки памяти, оставшиеся в этом теле. По сути, он был как слепой котенок.

Один из младших учеников, спавший в соседней комнате, на цыпочках вошел внутрь, желая проверить, спит ли господин, чтобы погасить лампу. Но, переступив порог, он увидел Нань Суминя, который сидел на краю кровати, уставившись в потолок.

Ученик тихо позвал:

— Старший брат? Вы еще не спите... Вас что-то беспокоит?

Эти двое послушников, прислуживавших ему последние два дня, изрядно выбились из сил. Нань Суминь не хотел усложнять им жизнь:

— Со мной все в порядке, просто мысли в голове не дают покоя. Хотел побыть в тишине. Ложитесь сами, не беспокойтесь обо мне.

— Хе-хе, ничего страшного, я подожду, пока вы уснете, — ответил он тихим голосом, почесав затылок с простодушной улыбкой.

Услышав шум, второй ученик тоже добросовестно поднялся с постели. Увидев, что все в комнате бодрствуют, он уже не мог вернуться обратно.

На вид им было лет по тринадцать-четырнадцать, оба в простых одеждах даосских послушников. Они почтительно стояли у кровати Нань Суминя. В его прежнем мире в таком возрасте дети еще ходили в среднюю школу, а здесь они уже так искусно прислуживали, что Нань Суминю, чей психологический возраст перевалил за двадцать, стало даже немного неловко.

— Как вас зовут? — мягко спросил он.

— Меня зовут Чжуюэ, — с готовностью улыбнулся тот, что вошел вторым.

Первый, более застенчивый, взглянул на Нань Суминя, польщенный и смущенный одновременно, и тихо прошептал:

— А меня зовут Чжуйсин...

<http://bllate.org/book/19119/1877633>